

И РОДИТСЯ ВЕДЬМА

1. АЛЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Тарамис, королева Хаурана, очнулась от липкого ночного кошмара. Вокруг царила тишина, напоминавшая скорее безмолвную и гнетущую неподвижность мрачных катакомб, нежели умиротворенный покой спящего дворца. Она лежала, глядя в темноту и спрашивая себя, отчего погасли свечи в золотых канделябрах. Россыпь звезд виднелась в окне с позолоченным переплетом, но их слабый свет не проникал внутрь опочивальни. Однако вдруг Тарамис заметила, как в темноте перед ней возникло тусклое свечение. Она смотрела на него, растерянная и ошеломленная. А оно становилось все ярче, постепенно растекаясь и заливая мертвенно-бледным жутким светом противоположную стену, задрапированную темным атласом. У Тарамис перехватило дыхание. Девушка с трудом села на ложе. И вот в круге света появился темный силуэт — голова человека.

Охваченная внезапной паникой, королева уже открыла рот, чтобы крикнуть, но тут же взяла себя в руки. Свет разгорелся еще ярче, и голова стала видна яснее. Это была голова женщины, небольшая, правильной формы, изящная, гордо вскинута и увенчанная роскошной гривой блестящих черных волос. Пока Тарамис смотрела на нее, на лице проступили отчетливые черты — и крик замер у королевы на губах. Лицо было ее собственным! Королеве показалось, что она смотрит в зеркало, которое едва заметно исказило ее отражение: в глазах появился свирепый блеск, а в изгибе губ — кровожадная мстительность.

— Иштар! — ахнула Тарамис. — Меня околдовали!

И вдруг жуткий призрак заговорил, и голос его сочился сладким ядом:

— Околдовали? Нет, дражайшая сестричка. Тут нет никакого колдовства.

— Сестричка? — запинаясь, переспросила ошеломленная девушка. — Но у меня нет сестры.

— У тебя никогда не было сестры? — прозвучал мелодичный насмешливо-ядовитый голос. — Не было сестры-близнеца с кожей такой же мягкой, как у тебя, созданной для ласк или боли?

— Когда-то у меня была сестра, — ответила Тарамис, по-прежнему уверенная в том, что спит и ей снится кошмар. — Но она умерла.

Черты прекрасного лица во тьме исказила ярость; выражение его иначе как дьявольским и назвать было нельзя, так что Тарамис испуганно отпрянула, всерьез ожидая, что черные кудри надо лбом слоновой кости вот-вот превратятся в шипящих змей.

— Ты лжешь! — Ярко-алые губы гневно изогнулись, выплевывая обвинение. — Она не умерла! Идиотка! Ну, пора заканчивать этот спектакль! Смотри — и не говори, что не видела!

По драпировке побежали лучи света, похожие на огненных змей, и свечи в золотых канделябрах вдруг вновь вспыхнули ярким пламенем. Тарамис сжалась в комочек на своем атласном ложе, подобрала под себя стройные ноги, широко раскрытыми глазами глядя на гибкую фигуру, которая появилась перед ней и отвесила издевательский поклон. Девушке казалось, что она смотрит на вторую Тарамис, совершенно неотличимую от нее самой, но насквозь пронизанную чужой и злобной волей. В лице

незнакомки, как в кривом зеркале, отразились ее собственные черты, превратившись в свою противоположность. Похоть и злая тайна клубились в ее мерцающих глазах, в изгибе полных ярко-алых губ читалась жестокость. В каждом движении ее гибкого тела сквозила непристойность. Прическа ее в точности повторяла королевскую, на ногах у нее были такие же позолоченные сандалии, как и те, что носила в своем будуаре Тарамис. Атласная туника без рукавов и с низким вырезом, перехваченная на поясе ремешком из золотой парчи, была копией ночного одеяния королевы.

— Кто ты? — выдохнула Тарамис, чувствуя, как по спине ее скользнул предательский холодок. — Объясни мне, зачем ты пришла, прежде чем я прикажу своим придворным дамам кликнуть стражу!

— Можешь кричать, пока не рухнут потолочные балки, — небрежно отозвалась незнакомка. — Твои шлюхи не проснутся до рассвета, пусть хоть весь дворец вспыхнет ярким пламенем. И стражники тоже не услышат твоих воплей; их убрали из этого крыла дворца.

— Что?! — вскричала Тарамис, королевский гнев в которой на мгновение вытеснил страх. — Кто осмелился отдать такое распоряжение моим стражникам?

— Я, дражайшая сестренка, — злобно ухмыльнулась незнакомка. — Совсем недавно, перед тем как войти сюда. Они приняли меня за свою ненаглядную королеву. Ха! Но как мастерски я сыграла свою роль! С каким надменным достоинством, смягченным женственностью, обратилась я к этим неотесанным увальням, склонившимся передо мной в своих доспехах и украшенных перьями шлемах!

Тарамис казалось, будто ее окутывает прочная невидимая сеть, мешая разобраться в происходящем.

— Кто ты такая? — в отчаянии вскричала она. — Это какое-то безумие! Для чего ты явилась сюда?

— Кто я такая? — В негромком голосе послышалось шипение взбешенной кобры.

Незнакомка подступила к самому ложу, обеими руками схватила королеву за плечи, так что пальцы ее впились в нежную белую плоть, и наклонилась, вперив пылающий ненавистью взор в расширенные глаза Тарамис. Гипнотическая сила этого взгляда заставила королеву забыть о неслыханной наглости незнакомки, осмелившейся коснуться царственной плоти.

— Безмозглая дура! — проскрежетала она сквозь стиснутые зубы. — И ты еще спрашиваешь? Я — Саломея!

— Саломея! — ахнула Тарамис, чувствуя, как волосы у нее на затылке встают дыбом: незнакомка говорила правду. — Я полагала, что ты умерла, едва появившись на свет, — слабым голосом произнесла она.

— Так подумали многие, — ответила женщина, назвавшаяся Саломеей. — Они отнесли меня в пустыню умирать, будь они прокляты! Меня, жалобно хнычущего новорожденного ребенка, жизнь которого была похожа на трепет гаснущей свечи. А знаешь ли ты, почему они отнесли меня туда умирать?

— Я... до меня доходили кое-какие слухи... — запинаясь, пробормотала Тарамис.

Саломея злобно расхохоталась и рванула ворот туники. Низкий вырез разошелся, обнажая ее твердые груди, между которыми засияло необычного вида родимое пятно — полумесяц, красный, как кровь.

— Знак ведьмы! — вскричала Тарамис и отшатнулась.

— Да! — В злобном смехе Саломеи клокотала ненависть. — Проклятие королей Хаурана! О, да, о нем рас-

сказывают страшные истории на рыночных площадях, покачивая головами и выразительно закатывая глаза, благонамеренные глупцы! Восторженным шепотом они передают друг другу историю о том, как первая королева в нашем роду имела связь с демоном тьмы и родила ему дочь, которая и по сей день живет в жутких преданиях. И с тех пор в каждом поколении ашаурийской династии рождается девочка с кроваво-красным полумесяцем на груди, который определяет ее судьбу. «И родится ведьма в каждом столетии» — гласит древнее пророчество. И предсказание сбылось. Одних убивали сразу после рождения, как хотели поступить и со мной. Другие до сих пор ходят по земле в обличье ведьм, гордые дочери Хаурана с дьявольской отметиной, горящей на груди цвета слоновой кости. И каждая звалась Саломеей. Этим же именем нарекли и меня. Так было всегда, и так будет и впредь, даже когда ледяные горы с ревом надвинутся с полюсов и повергнут цивилизацию в руины, а из пепла и праха восстанет новый мир. И тогда по земле будут ходить Саломеи, колдовскими чарами похищая сердца мужчин, танцующие перед земными владыками и глядя на головы мудрецов, летящие с плеч по их прихоти!

— Но... но ты... — пролепетала Тарамис.

— Что я? — Ее глаза жарким пламенем вспыхнули во тьме. — Меня отнесли в пустыню, подальше от города, и швырнули нагую на горячий песок, под палящие лучи солнца. А потом они ускакали прочь, бросив меня на съедение шакалам, стервятникам и волкам пустыни. Но жажда жизни во мне оказалась сильнее, чем в обычных людях, потому как она питается отзвуками силы, обитающей в неведомых глубинах потустороннего мира. Шли часы, и солнце обжигало меня своими прикосновениями, подобно ки-